Союз нерушимый

Автор:
Мария Метлицкая

Союз нерушимый

Мария Метлицкая

«В конце пятидесятых в районной женской консультации познакомились две девушки, вернее, молодые женщины, безошибочно угадав друг в друге будущих матерей-одиночек. Ненароком заглянув в медицинские карточки, они обнаружили к тому же, что являются полными тезками и одногодками. Звали обеих Валентинами Александровнами. Почему-то эти совпадения их страшно обрадовали и развеселили, одна решила подождать другую, и из консультации на весеннюю московскую улицу они вышли уже вместе, поддерживая друг друга за локоток. Осевший и потемневший снег еще не вполне растаял, местами превратившись от обильной капели в хрупкие и скользкие проплешины. Шли они осторожно, пробуя носком коварную наледь, – словом, шли, как ходят беременные. Болтали оживленно и обо всем – об уже отступившем, слава богу, токсикозе, о вредной врачихе Кларе Ивановне, о предстоящих и наводящих безумный страх родах, о детском приданом, заготовленном заранее – вопреки приметам. Одна Валечка проводила другую до дома – к тому же они оказались еще и соседями. Конечно же, обменялись телефонами и, очень довольные новым знакомством, сулившим теперь совместные прогулки и целый ворох общих тем, наконец расстались…»

Мария Метлицкая

Союз нерушимый

В конце пятидесятых в районной женской консультации познакомились две девушки, вернее, молодые женщины, безошибочно угадав друг в друге будущих

матерей-одиночек. Ненароком заглянув в медицинские карточки, они обнаружили к тому же, что являются полными тезками и одногодками. Звали обеих Валентинами Александровнами. Почему-то эти совпадения их страшно обрадовали и развеселили, одна решила подождать другую, и из консультации на весеннюю московскую улицу они вышли уже вместе, поддерживая друг друга за локоток. Осевший и потемневший снег еще не вполне растаял, местами превратившись от обильной капели в хрупкие и скользкие проплешины. Шли они осторожно, пробуя носком коварную наледь, – словом, шли, как ходят беременные. Болтали оживленно и обо всем – об уже отступившем, слава богу, токсикозе, о вредной врачихе Кларе Ивановне, о предстоящих и наводящих безумный страх родах, о детском приданом, заготовленном заранее – вопреки приметам. Одна Валечка проводила другую до дома – к тому же они оказались еще и соседями. Конечно же, обменялись телефонами и, очень довольные новым знакомством, сулившим теперь совместные прогулки и целый ворох общих тем, наконец расстались.

Как оказалось, до вечера. Вечером одна из Валечек позвонила и пригласила новую подругу на чай. Та с удовольствием приглашение приняла. Долго пили чай с вишневым вареньем, сверяли свои женские ощущения и даже разоткровенничались друг с другом. Валечки были не первой молодости, одиноки, и будущие дети для обеих были долгожданным и абсолютно желанным подарком. Валечка-хозяйка жила одна, давно похоронив рано ушедших родителей. Работала она в школе – преподавала географию. Когда-то в юности неудачно и мимолетно сходила замуж – развела молодых вскоре после свадьбы вредная свекровь. После тридцати почти без надежды не то чтобы на что-либо стоящее, а просто на банальный романчик неожиданно даже для себя она сошлась ненадолго с местным военруком. Любви там не было никакой и в помине. Военрука тогда оставила красавица жена, и он ненадолго утешился с Валечкой. Сначала Валечка пожалела его просто по-человечески, а потом как-то странно сложились отношения и более близкие. В какой-то момент от острой жалости к нему и собственной зудящей тоски и одиночества она оставила его ночевать, особо ни на что не рассчитывая. «Попалась» она случайно, как-то совсем не думая, что это может с ней произойти, а когда поняла, то испугалась и обрадовалась одновременно. Военруку об этом сообщить она не успела: не попрощавшись с ней, он завербовался на Север – от злой тоски и отчаяния. Но это Валечку не очень-то огорчило. Теперь, прислушиваясь к себе, она четко осознавала, что жизнь свою проживает не зря, и еще отступил навязчивый страх – страх одинокой старости. Хотелось ей сына – в нем она видела и будущую надежность, и уверенность в завтрашнем дне, а главное – невозможность самого ужасного и противоестественного на свете – женского

одиночества. С мужчинами, как она думала, все происходит не так, а точно легче и свободнее. Родни в Москве у нее не осталось никакой, но в Тамбове жила сестра покойной матери – одинокая и крепкая старуха, на которую, честно говоря, Валечка и рассчитывала.

Гостья ее – Валечка-вторая – жила с матерью, Верой Игнатьевной, слабенькой и интеллигентной старушкой. Жили, надо сказать, душа в душу – без бытовых склок, претензий и взаимных упреков. Вот ее-то беременность была вполне запланированной и продуманной. Несколько лет они с матерью этого горячо ждали, боясь даже затрагивать эту тему. Мать была в курсе Валечкиного семилетнего и тайного романа с женатым сослуживцем. Раз в неделю, в среду, с обеда, Вера Игнатьевна уезжала к подруге в Измайлово, а Валечка – завитая и крепко надушенная – принимала своего возлюбленного. В среду у нее был библиотечный день. Валечка, конечно же, напридумывала себе сложносочиненный роман, а дело-то было совсем простое. Ее предмет, слегка уставший от семейных хлопот лысоватый сорокалетний научный работник, просто хотел слегка расслабиться. Пылкая, трепетная, печально-загадочная Валечка вполне позволяла ему почувствовать себя мужчиной. Когда ее затошнило и совпали все остальные признаки, прежде всего, конечно же, она все сообщила потрясенной матери. И, крепко подумав, будущему папаше они решили ничего не говорить. Хотели, конечно же, девочку. К чему нарушать их женский монастырь? Да и с девочками, как им казалось, спокойнее. Этот ребенок будет принадлежать только им двоим. Безраздельно. Жалкий, приходящий тайком, осторожно и ненадолго, этот нелегальный папаша в их схему категорически не вписывался. Решили так: лишняя травма для ребенка. Лучше придумать отца-героя, летчика или полярника, безвременно и героически погибшего. Это они постановили на своем маленьком и дружном семейном совете. С прежней работы Валечка быстро уволилась и перешла в библиотеку у дома – ближе, спокойнее, легче и к тому же без потери декретных. Новую подругу она пригласила к себе на следующий день – с ответным визитом. Мама, Вера Игнатьевна, испекла любимый лимонный кекс, чай накрыли в столовой. Посидели тепло и уютно, оживленно беседуя. Провожать до дому Валечку-старшую (определили ее так – и действительно, она была старше подруги на четыре месяца) пошли вместе с мамой.

Чуть позже, уже оформив декрет, они установили себе четкое расписание и план: в двенадцать встречались на полпути, у булочной, и два часа активным шагом, с передышками, конечно, фланировали по улицам. Обедать приходили к Валечке-младшей. Вера Игнатьевна старалась приготовить что-то легкое и полезное для своих девочек, как говорила она. Были это, как правило, овощные

супы, морковные котлеты или мясное суфле. Валечки обедали и ложились отдыхать. Валечка-младшая обычно дремала, а ее подруга читала какой-нибудь старый, добротный детектив. Теперь они стали неразлучны, почти родные люди, и если срывалась прогулка (погода или неважное самочувствие), то тосковали друг по другу и перезванивались по нескольку раз в день. Вера Игнатьевна была счастлива – теперь ей не так страшно было думать о своей смерти: у дочери появился близкий человек. В роддом Вера Игнатьевна первую отвезла свою дочь и так и осталась там до вечера в вестибюле с Валечкиным легким плащиком и туфлями в руках. Валечка-младшая родила легко и довольно быстро, опровергнув тревогу врачей, обозначивших ее неприятным словом «старородящая».

Родила она мальчика, вполне здорового и крупного, испытав какое-то мимолетно прошелестевшее в сознании разочарование и недоумение. Справятся ли они с мальчиком? С девочкой все было бы как-то понятнее. Через пять дней ее встречали мать и верная подруга. А дома, развернув пеленки и поохав, все восторженно и растерянно замерли над ребенком. Мальчика назвали Антошей. Через две недели, ночью, вызвав такси, Вера Игнатьевна отвезла в роддом и вторую Валечку и так же осталась ждать в вестибюле больницы. Утром, не получив никаких радостных известий, говорила с врачами. Оказалось все непросто – решили делать кесарево. Вера Игнатьевна домой не поехала, периодически звоня дочери из автомата – справляется ли? – и докладывала последовательность событий. К обеду Вере Игнатьевне сообщили, что родилась девочка – очень маленькая, слабая, с кучей медицинских проблем. Вера Игнатьевна сдвинула брови, вспомнила свою непростую жизнь, глубоко вздохнула и начала разговор с акушером и педиатром четко и, как казалось ей, профессионально (в войну полгода проработала медицинской сестрой в госпитале).

– Вы?ходим! – бормотала она, спеша домой. Внука и дочь она не видела почти сутки. Дома металась всполошенная и измученная Валечка-младшая, разрываясь между стиркой, глажкой, кормлениями и бесконечными и изнуряющими сцеживаниями – молока у нее было в избытке. Ребенок, румяный и крупный младенец, спал мало, а вот ел и кричал с удовольствием. Вера Игнатьевна разрывалась на части: дома дым коромыслом, раз в день непременно в больницу к Валечке-старшей – тефтели, кисель, отжатый постный творожок. Но все кончается. Закончилось и это. Валечку-старшую с дочкой она решила забрать пока к себе: ну, во-первых, ей нужен еще серьезный уход – послеоперационные швы, начинающийся мастит – не дай боже, слабенькая девочка очень плохо брала грудь. Нужны были питание, обработка швов – короче говоря, уход, уход и

еще раз уход. Валечка-младшая тоже валилась с ног – ничего не успевала. Что разрываться между двумя домами? Проще крутиться всем вместе. Так и порешили. О том, что это было за время, говорить не приходится, но прошло и это. И Валечка-старшая вместе с дочкой наконец отправилась домой. Девочку, кстати, они сообща назвали нежным именем Ариша. Ариша была спокойной, вернее, слабой – ела еле-еле, кричать не кричала – так, слабенько, как мышонок, попискивала и кряхтела. Никакого сравнения с громогласным Антошей. Но все же, думала Вера Игнатьевна, лучше так, чем по-другому. Все-таки мальчик здоровый, тьфу-тьфу. Но постепенно все вошло в свой ритм, и вновь образовался четкий распорядок. Две молодые мамаши гордо выгуливали свои разноцветные коляски – розовую и голубую. Через год встал вопрос о выходе на работу – жить-то на что-то надо. Тамбовская тетка приезжать в Москву категорически отказывалась – огород, куры, поросенок. Слабенькой Арише путь в ясли был заказан, и героическая Вера Игнатьевна девочку предложила забрать к себе – на световой день. Деваться было некуда. Ариша не прекращала болеть, насморк плавно перетекал в ангину, ангина – в бронхит и даже в пневмонию. Болели теперь они на пару со здоровым Антошей, что поделаешь – контакт! Валечка-старшая переживала ужасно – понимала, что незаслуженно страдает вполне здоровый и крепкий ребенок. Но выход нашелся: тамбовской тетке пообещала платить – получалось ползарплаты, а куда деваться? Та на эти условия согласилась и, приехав, тут же завела себе сберкнижку, куда требовала четко десятого числа относить положенные ей деньги. Спустя год на работу вышла и Валечка-младшая – к себе в библиотеку на полдня, необременительно. Вера Игнатьевна устроилась в детский сад бухгалтером. Работа до обеда и дальний прицел – вскоре внуки окажутся в ее же детском садике, а она там – свой человек. Все под присмотром. Дружба Валечек за эти годы только укрепилась, стала прочнее, фундаментальнее, и уж совсем непонятно было им обеим, как они вообще раньше жили друг без друга. К школе Антоша вырос крупным кудрявым ребенком, с ярким румянцем на пухлых щеках, вполне подготовленным бабушкой – бегло читал, считал до ста, знал наизусть большие отрывки из «Евгения Онегина». А вот Ариша по-прежнему оставалась хилой, раздражительной и плаксивой, внешне вполне отражала свою натуру и природу – худющая, бледная до синевы, блеклая, с жидкими, бесцветными волосиками и вечно печальным выражением лица. К школе она оказалась совершенно неподготовленной – что поделаешь? У тамбовской тетушки свои критерии воспитания. Валечка-старшая все это, конечно же, понимала, сравнивала дочь с сыном подруги, переживала, расстраивалась, по-матерински, не зло, завидовала, мечтала спровадить тамбовскую родственницу, а деваться-то было некуда! Верила, что Ариша все наверстает, выправится – как жить без надежды? В школу провожали детей вместе, естественно, в один класс –

напуганных, торжественных и важных, намертво зажавших в ручонках разноцветные астры. Валечки, глядя на своих первоклашек, умилялись и смахивали слезы, Вера Игнатьевна стояла, гордо подняв седую усталую голову, а тамбовская тетка тайком перекрестила обоих детей. Антоша, проинструктированный строгой бабушкой, был важен и молчалив: «Ты теперь взрослый человек, почти мужчина, один на нас на всех, и главная твоя задача, кроме отличной учебы, разумеется, охранять и оберегать Аришу, твоего первого друга и практически сестру».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/soyuz-nerushimyy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить